

Цена 15 коп.

Индекс 70668

ГОССТРАХ

Смешанное страхование жизни дает возможность за время действия договора путем ежемесячных взносов накопить определенную денежную сумму, которая будет выплачена застрахованному по окончании срока страхования независимо от выплат в период действия договора.

Страхование жизни обеспечивает застрахованным также получение страховой суммы при постоянной утрате общей трудоспособности от несчастного случая, происшедшего на производстве или в быту.

Воспользоваться услугами Госстраха и заключить договор страхования могут граждане в возрасте от 16 до 65 лет на срок 5, 10, 15 или 20 лет. Размер страховой суммы и срок страхования устанавливаются по согласованию между лицом, изъявившим желание заключить договор, и инспекцией Госстраха.

Ежемесячные страховые взносы можно уплачивать путем безналичного расчета через бухгалтерию по месту работы застрахованного, а также наличными деньгами агенту или в сберегательную кассу по специальной расчетной книжке.

Уважаемые товарищи!

Если Вас заинтересовал этот вид страхования, обратитесь, пожалуйста, к агенту, обслуживающему Вас по месту работы, или в инспекцию Госстраха.

Госстрах РСФСР

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 8

1980

Константин ВАНШЕНКИН

**ГОРОДСКОЙ
МОТИВ**

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 8

Константин ВАНШЕНКИН

ГОРОДСКОЙ МОТИВ

ЛИРИКА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1980

Константин ВАНШЕНКИН

Константин Яковлевич Ваншенкин родился в 1925 году в Москве. Участник войны. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

К. Ваншенкин — автор многих поэтических книг («Песня о часовых», «Лирические стихи», «Портрет друга», «Волны», «Надпись на книге», «Окна», «Повороты света», «Соловьиный коридор», «Опыт», «Станция», «Прикосновение», «Характер», «Избранные стихотворения» в двух томах, «Дорожный знак» и другие).

Перу К. Ваншенкина принадлежат также прозаические книги («Армейская юность», «Большие пожары», «Во второй половине дня», «Проза», «Как соловей лета», «Повести и рассказы», «Наброски к роману», «Лица и голоса» и другие).

Многие стихи поэта положены на музыку и стали известными песнями («Я люблю тебя, жизнь», «Вы служите, мы вас подождем», «За окошком свету мало», «Я спешу, извините меня», «Как провожают пароходы», «Вальс расставанья», «Алеша»).

* * *

Эти крыши на закате,
Эти окна, как в огне,
Самой резкою печатью
Отпечатаны во мне.

Этот город под горою,
Вечереющий вдали,
Словно тонкою иглою
Прямо в кровь мою ввели.

* * *

Я без тебя — как город без реки!
С утра пылает солнце надо мною,
И дни мои бывают нелегки,
Открытые безжалостному зною.

В моих мечтах присутствует река,
И, проходя над здешними местами,
Огромные, как баржи, облака
Беззвучно проплывают под мостами.

Я без тебя — как город без реки:
Есть крыши, что взлетают к небосводу,
Сады, огни... Но женской нет руки,
Опущенной из красной лодки в воду.

* * *

Весна мокрой тряпкой снега уже стерла,
Лишь в чащах они залегли.
На голых пространствах зеленые сверла
Дырявят поверхность земли.

На самом ходу, посреди тротуара,
Мешая прохожим пройти,
Весной, как войной, оглушенная пара
Не в силах расстаться в пути.

Мы пишем стихи, рассуждаем, пророчим.
Бумага под словом горит.
Толкуем о жизни... А жизнь, между прочим,
Сама о себе говорит.

СТАРАЯ ГРАВЮРА

Этот мир, он, конечно, не вечен,
Но живут переулки, мосты...
И сижу я второй уже вечер
Над гравюрами старой Москвы.

Поражает мстущая люто
Вьюга — вниз или вкось по Тверской.
Поражает игрушечность люда
Над замерзшей Москвою-рекой.

Поражают кареты и сани,
Бабы с булками, псы — и с утра
Эскадроны гусарской осанки,
Из чьих ртов округленных: «Ура!»

Ну, естественно, конное тягло.
Но всего поражают сильнее
Колоннада Большого театра
И обоз ярославских саней.

Как ошибка, описка, помарка —
Над твоими гусями, Москва,
Поражают, послаще подарка,
Дом Пашкова, Ивана глава.

Поражают московские воды,
Где и сам ты купаться был рад.
Поражает продленность природы,
Неба, солнца, дворцов и оград...

МОСКОВСКОЕ ДЕТСТВО

Детство плеснет Москвою,
Словно волной морскойю.

Змеем большим хвостатым,
Крохотным стратостатом.

Взорванным громким храмом,—
Слышишь удар по рамам?

Перед забытым, перед
Многим, что помнишь сам,—
Твердо слезам не верит,
Верит легко словам.

Теплая, обжитая,—
Уж такова молва,—
Яростно обжигая,
Грозно гудит Москва.

В сутолоке
И суматохе
Сухаревки
И Самотеки.

СТИХИ ОБ ОДНОЙ КОМНАТЕ

Жили в комнате одной?
Вам тогда понятно это.
Долгожданный выходной,
А отец встает до света.

Электричество зажег
Или встал, не зажигая,—
Ведь за окнами снежок,
Площадь белая такая.

Если комната одна,
От нее немного толку.
Терпеливая жена
Ночью плачет втихомолку.

Два несчастных старика
Стонут, словно от разлуки.

Ревматизм наверняка
Им выкручивает руки.

Если комната одна,
То, конечно, здесь же дети.
Им порою не до сна.
О каком тут речь секрете!

Жили в комнате одной,
Говоря: «Была б квартира»?..
Предвоенным и войной,
Как волною, окатило.

Жили — вон она видна.
Правда, были помоложе...
Но и жизнь всего одна,—
Вы учитывайте тоже.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернулся муж с большой войны.
Ушла родня, все гости тоже,
И слушал он шаги жены,
Уже в постели мягкой лежа.

В буфет посуду убрала,
Поднять окурок наклонилась,
Сняла скатерку со стола
И, наконец, угомилась.

Шинели тронула рукав,
Щекой припала, вся зарделась,
Потом прошла за старый шкаф,
Свет погасила и разделась.

ЧТЕНИЕ СТИХОВ В ФОЙЕ КИНОТЕАТРА

А. Межирову

В фойе кинотеатра,
Пока сеанса нет,
Стихи читает автор —
Лирический поэт.

Он был в тот вечер хворым,
Но все-таки пришел.

В кинотеатре «Форум»
Толпой затоптан пол.

На полную железку
Гремит кинопронат.
Висит, исполнен блеску,
С Ладыниной плакат.

Девчонка в космах рыжих,—
Обтянутая грудь,—
Мороженое лижет,
Не слушая ничуть.

Сдувая с пива пену,
Воспринимают нас,
Как слабую замену
Оркестру в поздний час.

Жаль, не осталось кадра
Из тех забавных лет.
В фойе кинотеатра
Уже притушен свет.

Лежал на дне кювета,
Прошел весь путь насквозь.
Потом еще и это
Изведать довелось.

* * *

Оставил свой протез,
Сжал крепче костыли,
По лестнице полез
На станции Фили.

— Протезы не болят! —
Заметил не шутя,—
Но лишь на первый взгляд.
Зато горит культя.

Зато пылит пурга,
Жжет душу до костей.
Зато болит нога
До тех младых ногтей...

ДОМА

Не властною командой, не снарядом
Разбужен был при первом свете дня,
А тем, что ты, со мною лежа рядом,
Задумчиво смотрела на меня.

Вверху звезда последняя сгорела,
Внизу шуршал газетами лоток,
А ты еще смотрела и смотрела,
Облокотясь на белый локоток.

КОНЕЦ ЛЮБВИ

...И чем друг другу не потрафили?
Прощаясь, глазом не моргнули.
Они друг другу фотографии,
Теперь ненужные, вернули.

Она ему подарки прежние —
Колечко с брошкой — возвратила.
А он — ее записки нежные, —
Давно утрачена их сила.

Вот так в минуты расставания
Они в пустынных гулких стенах
Те давние завоевания
Меняли, как военнопленных.

* * *

Она ушла, и в гулкой глубине
Большого дома лифт замолк устало.
А он сидел с собой наедине,
Вдруг ощутив, как тихо в мире стало.

И так смотрел он в глубь своей души,
Как раненый, что вышел на поляну
И с ужасом, в неведомой глуши,
Чуть сдвинув бинт, рассматривает рану.

ГОРОДСКОЙ МОТИВ

Нас желтым светофором отсекло,
Нас отсекло ударом светофора.
Сквозь ветровое мокрое стекло
Смотрю, какая вам дается фора.

Как ваши тормозные огоньки,
Чья жизнь для нас совсем уже чужая,
Недолго тлеют, словно угольки,
Навек в дожде и мраке исчезая.

Но кто вы мне, чтоб я жалел о вас,
От вас не получая даже вести!
Хотя в недавний миг, почти сейчас,
Как равные, мы были с вами вместе.

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

Женщина, путь преградив к кабинету,
Молвила мягко: — Вы списки прочли?
Что же я сделаю, если вас нету!
Значит, по конкурсу вы не прошли...

Я из окна посмотрел еще в садик.
Нет, эта весть не убила меня.
Может быть, так себя чувствует всадник,
Если под ним убивают коня.

Вышел. И вдруг: — Догоните! Верните!..
Здесь перепутали в спешке дела.
Приняты, приняты вы... Извините...
— Точно?
...Но радость уже не пришла.

* * *

В болезненном тщеславии своем,
С улыбкой доброй иль с усмешкой злою,
На этом малом шарике живем,
Который называется Землею.

В лучах проспекта или пустыря
Или у океанской зыби серой, —

Равно внутри того же пузыря,
Который именуют атмосферой.

Но в чем же наше счастье будет впредь?
Чтобы с негромкой грустью оглянуться
И навсегда отсюда улететь?
Иль все же в том, чтобы сюда вернуться?

* * *

Беспомощно, осиротело,
Как будто бы в чем виноват,
Рукою, повисшей вдоль тела,
Бездействует старый Арбат.

Какой-то уже отвлеченный,
Намеренно ввергнутый в сон,
От тела почти отключенный,
Искусственным заменен.

* * *

Лифт запоздалый громыхнул,
Расплывчатые тени шатки.
И женщина, заслышав гул,
Выходит к лестничной площадке.

Так, ничего не говоря,
Пройдя росистой поляной,
При бледном свете фонаря
Идут на платформе деревянной.

Вечерний лифт гудит, дрожа,
Озарена его изнанка.
И снова — мимо этажа,
Как скорый мимо полустанка.

СКРЫТНОСТЬ

Он жил вблизи, но жил не на виду.
Он все скрывал. Зачем? На всякий случай.
Скрывал привычно радость и беду,
И лишь не скрыл он смерти неминуемой.

Враги о том, что он врагом их был,
Догадывались, думаю, едва ли.
И женщины, которых он любил,
Об этом даже не подозревали.

* * *

Право, это вовсе ничего —
Вы, конечно, знаете и сами, —
Просто ни с того и ни с сего
Вдруг глаза наполнятся слезами.

Молча смотрит девочка вокруг
На дома, на тихие березы,
На далекий лес, на близкий луг
Сквозь увеличительные слезы.

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь взгрустнешь
Ты обо мне немножко.
Когда-нибудь всплакнешь
У мутного окошка.

В холодной ряби луж
Девчонки моют боты.
И твой — как странно! — муж
Идет уже с работы.

Дождливым серым днем
Войдет и плащ свой сбросит.
— Ну что? Опять о нем? —
Тебя с обидой спросит.

* * *

Родинка смешная на щеке.
И бровей темнеющие скобки.
Каблучки и тонкий шрам от штопки
Около колена, на чулке.

А твоя рука течет вдоль тела,
Повторяя линию бедра.
И моя душа полна добра.
Ты, должно быть, этого хотела?

* * *

Не ожидала никак,
Сон уже чувствуя в теле,
Стоя с подушкой в руках
Возле раскрытой постели.

Сильно светила луна.
Ярко белела рубаха.
Он постучал — и она
Похорошела от страха.

* * *

И. Г.

Коль ею ты впрямь обуян,—
Любовь безрассудна,
Как в бурный ночной океан
Идущее судно.

Но — странно! — в соленой волне
Тот гибнет скорее,
Кто все предусмотрит вполне —
От киля до реи.

А этот кораблик — в порту
По виду был хрупок,
Причем не имел на борту
Спасательных шлюпок.

* * *

Все было стойким зноем залито,
К утру не охлаждался дом.
Нам сдали комнату лишь на лето.
Найдем ли что-нибудь потом?

Заката длительное зарево
В окошках множило огни.
На дачу выбрались хозяева.
Вот и остались мы одни.

Твое зардевшееся личико,
И рассудительность в речах,
И от девического лифчика
Полоски на твоих плечах.

ЮНАЯ ЖЕНА

Способность женщин к трудным языкам.
Пристрастие к актерствованью, к сцене.
Умение грустить по пустякам.
Готовность к самой важной перемене.

Идет весною юная жена,
Фамилию сменившая с охотой.
Невольню улыбается она,
Довольная собою и погодой.

Немного странно, чуточку не то.
И радостно, и нет назад возврата.
Слегка стесняет новое пальто —
Как не свое, покуда не обмято.

* * *

Переодевалась у окна —
Непонятно, что ее тянуло,
Только обнаженная она
Подходила, платье взяв со стула.

Ей бы отдалиться в глубину
Комнаты — о скромности забота,—
Но ее к широкому окну
Словно бы выталкивало что-то.

Женщины столь странная черта —
Безразличной смелости минута.
Но она спокойна и чиста
И не предназначена кому-то.

Всю себя сиянию открыв,
Двигается в задумчивости вроде.
Острый неосознанный порыв
К листьям, свету, воздуху — к природе.

ОБУЧАЮ ИГРЕ НА ГИТАРЕ

Мы к друзьям совершаем визит,
О другом и не думая dare.
Объявленье в подъезде висит:
«Обучаю игре на гитаре».

И прихлынула к сердцу волна,
И струна загудела витая,
За распахнутой створкой окна
В переулках вечерних витая.

Вы простите, но сам я не рад,
Я сегодня как будто в угаре.
Десять раз повторяю подряд:
«Обучаю игре на гитаре».

Я не знаю, как жил до сих пор,
Это все ни на что не похоже.
Лишь послышится струн перебор,
И тотчас же — мурашки по коже.

Мелкий дождик весь день моросит,
Лужи круглые на тротуаре.
Объявленье в подъезде висит:
«Обучаю игре на гитаре».

Обрывается с крыши струя,
Листья падают — чет или нечет.
И, прислушайтесь, это моя
Осторожно гитара лепечет.

Вам понравилось или вы так?
Или, может, я, правда, в ударе?
Написал же какой-то чудака:
«Обучаю игре на гитаре».

РОМАНС

Посреди ночного мира,
В тишине, издалека,
По асфальту — мимо, мимо —
Два точеных каблучка.

И на миг всего, не боле,
Отзывается в груди
Отголосок смутной боли,
Той, что будет впереди.

До сих пор та ночь хранима,
Словно сердцем новичка.
По асфальту — мимо, мимо —
Два точеных каблучка.

Что поделаешь, за годы
Расставаний и разлук
Не убавилось заботы,
Но остался этот звук.

Над водой полоска дыма.
Тают в небе облачка.
А по жизни — мимо, мимо —
Два точеных каблучка.

И на миг всего, не боле,
Отзывается в душе
Отголосок давней боли,
Нами прожитой уже.

* * *

А утвержденья эти лживы,
Что вы исчезли в мире тьмы.
Вас с нами нет. Но в нас вы живы,
Пока на свете живы мы.

Девчонки те, что вас любили
И вас оплакали, любя,
Они с годами вас забыли.
Но мы вас помним, как себя.

Дрожа печальными огнями
В краю, где рощи и холмы,
Совсем умрете только с нами,—
Но ведь тогда умрем и мы.

АТАКА

Лишь приподнявшись,
Чтоб взбежать на увал,
Сразу же навзничь
С тонким стоном упал.

Взгляд поднимая
Землякам своим вслед,
Не понимая,
Что его уже нет.

ДАВНЫМ-ДАВНО

Атакой поутру мы старый замок взяли,
Где неостывших гильз мерцала тускло медь.
Я в бледных зеркалах себя увидел в зале
И тихо подошел, чтоб лучше рассмотреть.

Распахнута шинель с оторванной полою.
Царапина на лбу. Я не узнал себя.
Лишь глубоко в глазах то давнее, бывшее,
Тот, кем я был, но кем уже не стану я.

* * *

Затянулась давнишняя рана,
Стала бледным и тонким рубцом.
Но навеки осталась поляна,
Где ты встал под свинцом.

Стекла новые вставили в рамы,
И повсюду зажгли уже свет.
Но безжалостны в памяти шрамы,
И болит этот след.

Так болит, как не думал ты сроду.
И не сделать уже ничего.
И причем — на любую погоду,
Ни с того ни с сего.

ПАМЯТНИК

«Ур-а-а-а!» — над цепью поредевших рот.
С меня тотчас же сорвало пилотку,
Тяжелым ветром залепило рот,
Мой слабый крик обратно вбило в глотку.

Но по земле, от дыма голубой,
Пока мы жить еще не перестали,
Бегу я с непокрытой головой,
Не ведая об этом пьедестале.

* * *

Делились женщины на тех,
Что ждут солдат с войны,
И на желающих утех,
Не знающих вины.

Ты скажешь, что в полях чужих
Солдаты этих лет
Делились на простивших их
И на сказавших «нет».

А ведь солдаты там, вдали,
Делились наугад:
На тех, что все-таки пришли
И не пришли назад.

ТАРЕЛКИ

В военный год, среди снежной дали,
От станции за три версты,
Мать наливала — вмиг съедали,
Тарелки были вновь чисты.

Вставали — труженики тыла, —
Их обогреть и накормить
Ей нелегко в ту пору было, —
Легко посуду было мыть!

ТЕМА

Опять возвращаюсь я к этой же теме.
Привал за кюветом. Чернеющий пенъ.
Разрозненных сосен отдельные тени
И леса зубчатая общая тень.

Отмеченный четкостью ориентиров,
Опять предо мной убывающий день,—
Отдельные тени моих командиров
И взвода зубчатая слитная тень.

В ПАЛАТЕ

Словно ветер шумит в окне,
В мерзлых ветках стуча уныло.
Словно память о той войне,
Сердце вздрогнуло и заныло.

Словно в поле полки стоят,
В ледяной утопая жиже.
Словно где-то вдали снаряд
Засвистел — и все ближе, ближе.

Глубь воронки. Рассвет. Мороз.
Стихнул ветер, что пел тоскливо...
...Ночью сердце разорвалось,
И никто не слышал разрыва.

* * *

К больничному окну приклеенный пейзаж —
Меняется в нем только освещение,
А сам он тот же, вечный спутник наш,
Награда за лечение и лишение.

А сам он неизменен. Лишь слегка
Меняется за окнами погода.
Меняются над миром облака.
И время дня... И время года.

18

ЯРКИМ ДНЕМ

Не найдешь наверняка,
Чтобы свет так мощно лился.
Ослепляя, жгла река,
Как наставленная линза.

Но закрыла тучка свет,
И откуда ждать подмоги?
Вновь прошла — и тает след
Преждевременной тревоги.

Так воскресным ярким днем,
Навестив в больнице друга,
С облегчением вздохнем
После краткого испуга.

* * *

М. Б.

В покое кунцевской больницы
Ты трудно спал на склоне дня.
Вдруг слабо дрогнули ресницы,
Ты ясно глянул на меня.

— А, здравствуй! — вымолвил устало,
Вновь погружаясь в сумрак свой,
Где колебалась, трепетала
Жизнь на отметке нулевой.

* * *

Не смерти страшусь,
А немощи, боли, больницы.
Не с кем-то сражусь —
С собою! — при свете страницы.

Ночь. Смотрим во тьму,
Над белым листочком немеем
И учим тому,
Чего мы подчас не умеем:

Жить не напоказ,
Быть смелым, в невзгоде крепиться.
Но, видимо, в нас
Есть всех этих качеств крупица.

19

* * *

В заботах нового труда,
Когда и вправду жизни мало,
Сидел один, — мне так всегда
Уединенья не хватало.

Тянуло мокрою корой,
Березы брезжила макушка,
Кончался день, и под горой
Усердно лаяла кукушка.

Сквозило сыростью с реки.
...За долгий месяц тот весенний
Не написал я ни строки.
Но принял несколько решений.

ГОЛОС АХМАТОВОЙ

Где других голоса еще
На пластиночке матовой —
Убывающий, угасающий,
Низкий голос Ахматовой.

Как костер затухающий,
Как простор затихающий.

Мерный, горько-медлительный,
Полный царственной гордости,
Голос ваш удивительный
Выше муки и горести.

В мир от губ отлетающий,
Смерть в веках отметающий.

ОТЪЕЗД ДЕ ГОЛЛЯ ИЗ МОСКВЫ

Отъезд де Голля из Москвы...
Он был носатый, стройный, старый,
Овеянный военной славой,
Которой не забыли вы.

И в то же время не старик.
Не тень из прошлого, вернее.

Де Голль напоминал Корнея
Ивановича в этот миг.

По улицам твоим, Москва,
Он ехал, стоя величаво,
И мерно кланялся — сперва
Налево, а потом направо.

И явно нравилось Москве
Явление дружеского шага.
И Франции союзной шпага
Просверкивала в синеве.

* * *

От белых крыш до пят
Ожутаны покоем,
Дома ночные спят,
Уютно и легко им.

Меж ними даль видна,
И странно-непривычно —
Где два, где три окна
Горят несимметрично.

И вдруг — из края в край —
Повитый снежной пеной,
Почти пустой трамвай...
Последний или первый?

* * *

Как часто все-таки талант
Бывает замкнут узкой сферой,
Но в то, что он везде гигант,
Проникнут все ж наивной верой.

Нет, не рассеян, не смешон,
Не просто в жизни непрактичен, —
Чего-то начисто лишен
И беспощадно ограничен.

Талант и ум — из разных групп.
Высокий гений, четкий логик
Бывает в жизни даже глуп
И жалко морщит важный лобик.

АФИША

В фойе томилинском накурено,
Билеты в угол сметены.
Лицо печальное Никулина
Глядит устало со стены.

Округлость глаз и странность сломанных,
Таких страдальческих бровей.
...Живет трагическое в клоунах
Смешного дольше и живей.

* * *

Фотогеничные поэты,
Чей внешний облик вам знаком.
Значительные их портреты
Над незначительным стихом.

Сам стих им несколько мешает,
Но он судьбой уже храним,
Ведь вам доверие внушает
Портрет задумчивый над ним.

Все отстоит, устоится,
Осядет пыли полоса.
Немногие проступят лица
И различатся голоса.

* * *

У наковален и у готовален,
Хотя б раз в жизни и хотя б на миг,
Любой из нас бывает гениален,
Как если бы в суть жизни он проник.

Такое обжигает озаренье,
И до таких возносимся вершин,

Что все предметы видно в отдаленье
И что иными судьбами вершим.

Чужда мне репутация провидца,
Не тщусь войти в созвездье мудрецов,—
Мне б только к самому себе пробиться,
Достичь своих же лучших образцов.

ОПЫТ

Многое мы понимаем острее,
Сделавшись старше,
На протяжении жизни своей
Опытней ставши.

Мы понимаем: дороже всего
Трепет, горенье.
Может быть, это и есть мастерство
В стихотворенье.

Все остальное — настойчивый труд,
Блещущий обод.
Но, чтоб понять это, нужен и тут
Собственный опыт.

* * *

Чего в поэзии достиг?
Авось, нас критик не обидит.
И я вносил посылно в стих
Порой то рифму, то эпитет.

Но видел главное в ином,—
Не в том, чтоб новым слыть повсюду,
А в том, чтобы своим вином
Наполнить добрую посуду.

* * *

Ну что ты огорчился так
И больно так тебя задело?
Запомни накрепко, чудаки,
Что это все не наше дело.

Им возразить не сможешь тут,
А возразишь — не много толку.
Как захотят — так назовут
И лишь на ту поставят полку.

Ты знай пиши стихи свои
О дождиках и о рябинах.
Официально соловьи —
И те в отряде воробьиных.

* * *

Наждый срок несет свои приметы:
На совсем недавнем рубеже
Недооцененные поэты
Нынче перехвалены уже.

Эти произвольные оценки,
Что гремят над нашей головой! —
Их довольно слабые оттенки
И посыл сугубо волевой.

Их довольно скорое старенье!..
В общем, по дороге на Парнас
Наши новые стихотворенья —
Лучшие рецензии на нас.

* * *

Здесь жил такой поэт,
Что эти лес и поле
Хранят поныне след
Его давнишней боли.

Зависят от стиха —
Прогулки путь окольный,
Замшелая стреха,
Снежок над колокольней.

С погостом косогор
За шумом листопада —
Во власти до сих пор
Его былого взгляда.

24

* * *

Я, если в горы шел — до дрожи
В ногах. На самый перевал!
Я, если пил с друзьями — тоже
Вино водой не разбавлял.

Не белоручкой рос я — что ты! —
Я лес валил и не пищал,
Когда от умственной работы
Усталость в теле ощущал.

ВОСПОМИНАНИЯ

По-разному живут воспоминанья:
Одни выходят строем из леска,
И заполняют медленно сознание
Их оккупационные войска.

Другие — безыскусственность кака! —
Как журавли усталые весной,
Курлыканьем щемящим окликают,
Проходят ранней ранью надо мной.

А третьи — сквозь жару и сквозь заносы
Давно прошли, у них характер крут.
Они во мне сидят прочней занозы,
Они — я сам, они со мной умрут.

* * *

Неверно, будто жизнь всего одна.
Сказать такое — стать лжецом невольным.
Я был мальчишкой с мячом футбольным,
Солдатом стал, когда пришла война.

Естественно, была меж нами связь,
Но в новой жизни, озарен пургою,
Я был другим и жизнью жил другою,
Уже и дальше новым становясь.

25

И стал поэтом я в своей стране.
Еще какую выкажет причуду
Судьба? И кем еще я в жизни буду.
В той новой жизни, неизвестной мне?..

* * *

Пустил летать по белу свету
Иль загубил ты соловья —
Возможно, что страницу эту
Не знают даже сыновья.

Легли такие расстоянья,
И миновало столько лет!..
Но каждое твое деянье
В тебе же оставляет след.

* * *

Резко озаренные луной,
К дому поднимаются ступени,
И царит над скатертью льняной
Ворох фиолетовой сирени.

Над водою дремлют невода,
И вода качается устало.
Не смогу поверить никогда,
Чтобы вовсе этого не стало.

Жизнь, свершая свой прекрасный путь,
Этому не может покориться.
Но чуть-чуть внимательнее будь:
Многое уже не повторится.

* * *

Прохладней стало на душе —
Жара немного отпустила,
И не заметили уже,
Как осень тоже отгостила.

О чем задумался, бог весть,
Старик семидесятилетний.
Молчит. Но смерть, что в каждом есть,
В нем проступает все заметней.

26

* * *

Наступает новая пора.
Происходит в жизни перемена.
Не вчера и не позавчера —
Это настигает постепенно.

Постепенно и листва, шурша,
С почерневших веток облетела.
Постепенно вечная душа
Оценила временное тело.

Постепенно солнцу все трудней
Пробивать туманов оболочку.
Постепенно яркий круг друзей
Сузился и превратился в точку.

* * *

Мы помним факты и события,
С чем в жизни сталкивало нас,
В них есть и поздние открытия,
Что нам являются подчас.

Но вдруг мы видим день весенний,
Мы слышим смех, мы ловим взгляд..
Воспоминанья о щ у щ е н и и!
Они нам душу бережат.

И заставляют сердце падать
Или взмывать под небеса,
И сохраняет их не память,
А руки, губы и глаза.

* * *

Человек играет на рояле.
Но о чем? — Как зимний ветер зол?
Или как под Тулой мы стояли?
Или как я лесом в школу шел?

В общем, он в виду имеет что-то
Так же, как грохочущий прибой,

27

Голубь, ввысь ушедший с разворота,
Или тротуар, от луж рябой.

Мы с тобой не раз еще заметим,
Как шумят дожди, растет трава.
Это происходит, и за этим
Подразумеваются слова.

* * *

Наша память устроена странно:
Изощренный ее аппарат
Нам картины далекого плана
Повторит не совсем в аккурат.

То, что видел я раннею ранью
И забыл по прошествии лет,
Загорается новою гранью,
Ибо сдвинулись тени и свет.

Но и то, что не в силах забыть я,
По-иному выходит из тьмы.
Не меняются сами события,
Но жестоко меняемся мы.

* * *

Когда теряют самых дорогих,
Не помогает ни вино, ни слава.
А то, что на земле и у других
Бывает горе — утешает слабо.

Когда тебя ударила беда,
Что из того, что и другого тоже.
Однако к этой теме иногда
Ты интерес выназываешь все же.

БЕДА

Его обуглило бедой.
Немыслима его потеря.
Стоит, уже немолодой,
Произошедшему не веря.

Он словно дал такой обет:
Жить только прежним, стародавним.
От радостей, но и от бед
Он заслонен своим страданьем.

ОСЛЕПЛЕНИЕ

Как будто бы чьих-то грехов искупленье —
Порою нисходит на нас ослепленье.

Не видит садовник раскрывшейся розы,
А шахматный гений — простейшей угрозы.

Не видит грибник, что в грибах вся поляна,
Беспечное сердце не видит обмана.

Не видит охотник когтей отпечатки,
А старый наборщик смешной опечатки.

И страшно, когда, вдруг очнувшись за чаем,
Мы слезы в любимых глазах замечаем.

ДВОЕ

После уборки и стирки,
Долгой работы дневной
С мужем была она в цирке.
Поздно вернулись домой.

Им впечатлений хватило
От представления вполне,
И показалась квартира
Тихой и милой вдвойне.

Словно была у них ссора,
И примиренье сошло,
Так посреди коридора
Поцеловались светло.

...Вдруг про себя отмечаем,
Что мы в дороге — одной...
С крепко заваренным чаем
Сели на кухне ночной.

Месяц ни шатко ни валко
 Синим дрожит маяком.
 Свежая эта заварка
 Пахнет парным молоком.

Скачут ученые кони.
 Сны осеняют жилье.
 Плотно висит на балконе
 Ночью сырое белье.

МОСКОВСКИЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Не горец, не из сакли,
 Где облако в дверях.
 Но годы не иссякли
 И кое-чем дарят.

Те годы так гудели,
 Что звон в крови возник.
 И как он, в самом деле,
 Протиснулся сквозь них?

Сквозь горе и отраду.
 Да так вот — не робей!
 Он скачет по Арбату,
 Московский воробей.

Московский долгожитель —
 Сквозь дождь и снежный дым.
 А вы им дорожите ль?
 Так дорожите им.

ПРИМЕТЫ

А приметы в России гуманны,
 Видят доброе даже в худом,
 Простодушные эти обманы,
 Берегущие нас и наш дом.

Потому-то известно повсюду:
 Дождь в дорогу — удача вас ждет,
 К счастью — если разбили посуду,
 Проигрались — в любви повезет.

СОДЕРЖАНИЕ

«Эти крыши на закате...»	3
«Я без тебя — как город без реки!»	3
«Весна мокрой тряпкой снега уже стерла...»	3
Старая гравюра	4
Московское детство	5
Стихи об одной комнате	5
Возвращение	6
Чтение стихов в фойе кинотеатра	6
«Оставил свой протез...»	7
Дóма	8
Конец любви	8
«Она ушла, и в гулкой глубине...»	8
Городской мотив	9
Приемная комиссия	9
«В болезненном тщеславии своем...»	9
«Беспомощно, осиротело...»	10
«Лифт запоздалый промхнул...»	10
Скрытность	10
«Право, это вовсе ничего...»	11
Когда-нибудь	11
«Родинка смешная на щеке...»	11
«Не ожидала никак...»	12
«Коль ею ты впрямь обуян...»	12
«Все было стойким зноем залито...»	12
Юная жена	13
«Переодевалась у окна...»	13
Обучаю игре на гитаре	14
Романс	15
«А утвержденья эти лживы...»	15
Атака	16
Давным-давно	16
«Загянулась давнишняя рана...»	16
Памятник	17
«Делились женщины на тех...»	17
Тарелки	17
Тема	18
В палате	18
«К больничному окну приклеенный пейзаж...»	18
Ярким днем	19
«В покое кунцевской больницы...»	19
«Не смерти страшусь...»	19
«В заботах нового труда...»	20
Голос Ахматовой	20

Отъезд де Голя из Москвы	20
«От белых крыш до пят...»	21
«Как часто все-таки талант...»	21
Афиша	22
«Фотогеничные поэты...»	22
«У наковален и у готовальцев...»	22
Опыт	23
«Чепо в поэзии достиг?...»	23
«Ну, что ты огорчился так...»	23
«Каждый срок несет свои приметы...»	24
«Здесь жил такой поэт...»	24
«Я, если в горы шел — до дрожи...»	25
Воспоминания	25
«Неверно, будто жизнь всего одна...»	25
«Пустил летать по белу свету...»	26
«Резко озаренные луной...»	26
«Прохладней стало на душе...»	26
«Наступает новая пора...»	27
«Мы помним факты и события...»	27
«Человек играет на рояле...»	27
«Наша память устроена странно...»	28
«Когда теряют самых дорогих...»	28
Беда	28
Ослепление	29
Двое	29
Московский долгожитель	30
Приметы	30

Константин Яковлевич Ваншенкин

ГОРОДСКОЙ МОТИВ

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 25.12.79. Подписано к печати 11.03.80. А 00336.
 Формат 70×108^{1/2}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Новогазет-
 ная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,49.
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 801. Зак. № 1909. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты
 «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП,
 ул. «Правды», 24.